

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Термин «мультикультурализм» полисемантичен: он обозначает *теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования многочисленных разнородных культурных сообществ* [4, с.26]. Один из основных постулатов мультикультурализма провозглашает признание самоценности разнообразия культур и невозможность их деления по принципам «низшая – высшая», «центральная – периферийная», «доминирующая – доминируемые» или «государствообразующая – культура меньшинств». Однако современный мультикультурализм распространяется не только на культурную сферу взаимодействия этнокультурных групп, но и на религиозную. На сегодня день принято выделять и соответствующий тип мультикультурализма – *религиозно-трансформативный*. Он направлен на поддержание веротерпимости путем включения всех конфессий конкретной территории в единое конфессиональное пространство. Например, до начала XI в. Кордовский халифат проводил политику веротерпимости, результатом чего стал синтез мусульманских, еврейских, вестготских элементов и создание уникальной культуры (в частности, стиля мударна).

Выделение такого типа вполне правомерно, поскольку огромное влияние на межгрупповые интеракции оказывают религиозные ценности, которые формируются картиной мира и являются своеобразным маркером, предопределяющим культурное своеобразие группы. Они представляют собой совокупность двух компонент. С одной стороны, какому-либо объекту или субъекту придается особое значение, а с другой – такое отношение имеет эмоционально-окрашенный характер. Таким образом, мы можем говорить о том, что ценности – это совокупность идеалов, смыслов, культурных традиций, которые сами члены группы считают наиболее характерными и важными для своей общности.

Все ценности кристаллизуются вокруг ограниченного набора доминант, которые вариативны от группы к группе. Поэтому мы можем говорить о существовании автохтонных ценностей, в частности религиозных, формирующих самобытность каждой этнокультурной группы. Однако принимая во внимание тот факт,

что все группы вовлечены в единый мировой исторической процесс, следует отметить необходимость поиска универсальных религиозных ценностей. Они являются общими для всех этнокультурных групп, тем самым позволяют находить общие точки соприкосновения, а значит, пути бесконфликтного сосуществования.

Особо подчеркиваем, что религиозные ценности оказывают влияние на групповые интеракции, так как определяют меру «позволительного» или «недопустимого» при реализации последних. Однако они не только определяют характер интеракций, но и оказывают влияние на их содержание, поскольку создают идеальный образ будущего конкретной этнокультурной группы. Кроме того, способствуют консолидации членов группы в единое целое путем отбора наиболее предпочтительных ориентиров и поиска наиболее приемлемых путей для их реализации [7].

В каждом конкретном обществе существует определенный спектр проявления такого рода групповых ценностей. Религиозные ценности этнокультурных групп сходятся с аналогичными титульного этноса лишь в случае, когда доминирующая религия не препятствует полноценному функционированию других вероисповеданий: объявление религиозных праздников выходными днями, разрешение проводить культовые мероприятия, строительство культовых зданий. Например, большинство населения Казахстана считает себя мусульманами, однако доминанта ислама не препятствует полноценному функционированию других вероисповеданий. Примечателен рост числа религиозных учреждений немусульманских конфессий в этой стране. За последние годы количество православных приходов выросло в четыре раза, католических – в два. В стране действует более тысячи миссий и молитвенных домов протестантских объединений, также функционирует 21 иудейская община и построен буддийский храм. С 2006 г. важнейшие религиозные праздники объявлены выходными днями, чтобы верующие могли полноценно проводить культовые мероприятия, а с 2007 г. регулярно по одному из главных телевизионных каналов страны ведется «религиозный час», в котором религиозные лидеры как доминирующей, так и иных вероисповеданий читают проповеди [1]. Такое совпадение религиозных ценностей этнокультурных групп и титульного этноса дает возможность к консолидации

усилий на крупных проектах типа строительства буддийских храмов, создание исламских культурно-религиозных центров или протестантских молельных домов.

Абсолютное несовпадение религиозных ценностей происходит, когда этнокультурная группа претендует на получение официального статуса своей религии через институционализацию собственного вероисповедания. Например, по инициативе группы граждан мусульманского вероисповедания, поддержанных муфтием Равилем Гайнутдином было направлено письмо В. В. Путину, в котором говорилось о желании организовать в Москве и Московской области Российский исламский университет. Это, вызвало негодование среди российских ученых и политических деятелей (А. А. Волкова, Ю. С. Осипова и др.) [5]. Причина, вероятно, в том, что такой шаг вполне правомерно расценивать как возможность для ислама перейти в статус официальной религии. В свою очередь государство не может и не должно отдавать предпочтение какому-либо одному религиозному вероисповеданию в интересах какой-либо из этнокультурных групп, поскольку это может привести к дискриминации других конфессий, что может послужить причиной религиозных столкновений.

В силу существования такого спектра взаимодействия религиозных ценностей приблизительно с 90-х гг. XX в. многие страны оставляют не увенчавшиеся успехом усилия добиться конфессиональной гомогенности общества и провозглашают своим идеалом интеграцию без ассимиляции. На общество начинают смотреть не как на религиозное единство, а как на совокупность равноправных этноконфессиональных сообществ. Такая направленность исходит из стратегии мультикультурализма. Ее главный императив – равенство типологически и аксиологически различных культур, предполагающее их конфессиональную толерантность. Широкое распространение идей мультикультурализма – общих, при множестве его конкретных воплощений, – неотъемлемая характеристика бытия и «со-бытия» (термин М. М. Бахтина) многих народов в современную эпоху. Поэтому на смену традиционным практикам конфессионального взаимодействия этнокультурных групп в последней трети XX в. пришла стратегия мультикультурализма.

Следует отметить, что в Беларуси исторически сложилась поликонфессиональная структура. Важно и то, что здесь имеет

место достаточно высокий уровень конфессионального насыщения территории как по числу верующих, так и по количеству приходов, храмов, служителей и т.д. По итогам исследований гродненских авторов, самоопределение респондентов по конфессиональному признаку выглядит следующим образом: определили свою конфессиональную принадлежность 88,8% опрошенных, т.е. почти девять из каждых десяти респондентов субъективно определяют себя как принадлежащие к той или иной конфессии. В общем массиве опрошенных православные составляют 61,1%, католики – 23,4, «просто христиане» – 3,4, греко-католики – 0,2, мусульмане – 0,4 и иудеи – 0,3 [3, с.123].

Ведущее место в религиозной жизни страны занимает Белорусская Православная Церковь, которая объединяет более 80% верующих и имеет 1315 приходов и 1092 действующих православных храма. При монастырях организованы певчие хоры, библиотеки, воскресные школы, осуществляется издательская деятельность (выходят 4 журнала, 10 газет, церковные календари и т.д.) [2]. 12 июня 2003 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью. Приоритетными направлениями сотрудничества являются совместное развитие общественной нравственности, воспитание, образование, культурная и творческая деятельность, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия. Активное взаимодействие государства и ведущей конфессии способствует сбалансированности религиозных ценностей как белорусов (более 80% – православные), так и этнокультурных групп. Гораздо менее численные конфессии не могут претендовать на статус государственных.

В истекшем году в обществе укрепились позиции Римско-Католической Церкви, с которой государственные органы развивают конструктивные отношения. Римско-католический костел объединяет 433 общины. В 2004 г. в республике насчитывалось 410 костелов [1]. Возросло количество протестантских религиозных организаций (зарегистрировано 40 общин), которые в республике представлены 14 направлениями, объединяющими 955 общин. Кроме того, продолжают действовать без регистрации 28 общин Совета Церквей Евангельских христиан-баптистов. Наиболее многочисленным среди протестантских направлений является объединение христиан евангельской веры (482 общины) [5]. Поликонфессиональность религиозной жизни требует особого внимания государства, поэтому Комитет по делам

религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь обеспечивает соблюдение законодательства в сфере государственно-церковных отношений. Это свидетельствует о действенности религиозно-правового уровня институционализированного мультикультурализма. Стоит особо подчеркнуть, что законопроекты в религиозной сфере предоставляют юридически-благоприятные нормы для сбалансированных взаимоотношений государства и религиозных организаций [5].

Отметим: в отличие от социальной сферы, совершенствование межконфессиональных отношений и соответственно религиозной сферы, пусть не без проблем и трений (насильственный перевод в католицизм, униатство и т.д.), было свойственно населению Беларуси исторически (белорусы, например, знали еврейские праздники и обычаи) [6]. Можно сделать вывод, что благодаря длительному и относительно толерантному взаимодействию конфессий на белорусских землях сложился неповторимый опыт спонтанного мультикультурализма в религиозной сфере. Сегодня к этому добавляются активные действия государства по созданию правовой базы, что позволяет религиозным организациям расширять диапазон деятельности (благотворительность, религиозное просвещение и образование, издательская и хозяйственная деятельность, международные контакты и т.д.).

Итак, современную Беларусь с полным правом можно назвать поликонфессиональной страной, где наблюдается пересечение ценностно-смысловых установок, проявляющихся в религиозной сфере. Об этом свидетельствуют результаты опросов, в которых исследовались межконфессиональные отношения. Оценки отношения православных к католикам распределились следующим образом: враждебность – 3%, терпимость – 31,1, нейтральность – 24,8, уважительность – 23,5, дружелюбность – 15,4. Отношения католиков к православным выразились в следующих оценках: враждебность – 8%, терпимость – 28,6, нейтральность – 23,5, уважительность – 21,8, дружелюбность – 15,8 [2]. Во втором случае индикаторы толерантности выражены слабее, чем в первом, но это не дает оснований для однозначной интерпретации отношений католиков к православным как менее толерантных, учитывая преобладание православных в общем массиве респондентов. Отношение католиков и православных к мусульманам получило следующие оценки: враждебность – 5,2%,

терпимость – 34,1, нейтральность – 35,7, уважительность – 13,2, дружелюбность – 8,8 [2].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить: с одной стороны, модель мультикультурализма предполагает закрепление экономических, политических и других прав этнокультурных групп на уровне законодательных документов и проектов, что способствует правовой защищенности, а значит, «безболезненной» адаптации на территории принимающей страны. С другой, реализация основных его положений в повседневной практике позволяет каждой из групп отстаивать религиозные ценности. Совмещение государственных стратегий в области политики, экономики, религии, культуры и т.д. с повседневными транзактивными практиками людей способствует снятию межгрупповой напряженности и не допускает ее перехода в конфликт. Мы убеждены, что именно взаимодополнительность и в целом диалог религиозных ценностей групп является залогом принятия мультикультурных стратегий групп в едином поликонфессиональном пространстве.

1. Григорьев, П. А. Многоконфессиональная страна [Электронный ресурс] / П. А. Григорьев. – Мн., [2007]. – Режим доступа: <http://patriarchia.ru/db/text/141221.html#calendar>. – Дата доступа: 24.04.2008 г.

2. Гуляко, И. Беларусь – страна дружбы и национального согласия [Электронный ресурс] / И. Гуляко. – Мн., [2005]. – Режим доступа: <http://bsmu.by/05-12-152.html>. – Загл. с экрана.

3. *Канфэсіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.)* / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мн.: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

4. Малахов, В. С. Парадоксы мультикультурализма / В. С. Малахов // *Иностранная литература*. – 1997. – №11. – С. 19–27.

5. Малышев, И. О. Государственное законодательство и религиозные организации [Электронный ресурс] / И. О. Малышев. – Мн., [2000]. – Режим доступа: <http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show>. – Дата доступа: 04.04.2008 г.

6. Салееў, В. Беларуская нацыянальная культура: своеасаблівасць і сінтэз розных традыцый / В. Салееў // *Беларусіка = Albaruthenica*. Кн. 3: Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / рэд. А. Мальздзіс [і інш.]; Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны. – Мн.: Навука і тэхніка, 1994. – С. 132–134.

7. *Спірына, А.А.* Культурная група: да праблемы канцэпта і структурна-функцыянальнай мадэлі / А. А. Спірына // *Весці БДПУ.* – 2008. – № 3 (Сер. 2). – С. 93–96.

БИБЛИОТЕКА БГУКИ